

ПРАВИТЕЛЬСТВО ПРИНЯЛО РЕШЕНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ В РОССИЮ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ТАРКОВСКОГО. Лариса Тарковская: "Мы с Андреем не были эмигрантами - мы были изгнанниками"

В Москву из Парижа по приглашению Правительства России приехала вдова Андрея Тарковского Лариса Павловна. Прошло 14 лет после выезда Тарковских из страны и 10 - после смерти Андрея Арсеньевича. "Я русский человек, но советским себя не считаю", - писал он в своем духовном завещании, и еще: "Ни живым, ни мертвым я не вернусь в страну, которая причинила мне и моим близким столько боли, страданий, унижений".

КВАРТИРА Тарковских - почти напротив "Мосфильма". Здесь они прожили десять лет, отсюда уехали в 1982-м и больше не возвращались. Перед лифтом у входа - выложенная Тарковским серой плиткой буква "Т". Сама же квартира похожа на разоренное гнездо - поломанная мебель, разбитое пианино... Но в кабинете Андрея Арсеньевича - его стол, его книги, посаженный им лимон в кадке, на стенах - подарки друзей: рисунок Антониони, коллажи Параджанова, скрипка Хамдамова. Есть и картина кисти самого Тарковского - он прекрасно рисовал (окончил кроме ВГИКа художественное училище), играл на фортепьяно, гитаре, пел, сочинял песни (одну из них пел Высоцкий). В коридоре - прикрепленный его рукой рисунок сына, Андрея: на нем - он, папа с мамой и Параджанов в Тбилиси...

- Лариса Павловна, тяжело было войти сюда, в свой дом, после стольких лет и увидеть его в таком состоянии?

- Мне вообще очень тяжело было решиться приехать в Россию, очень. Я мысленно попросила у Андрея прощения и поехала. Меня предупреждали, что теперь в Москве все не так, не то, все запущено, развалено, и что у меня будет шок. Но этого не случилось. Я увидела, что, наоборот, многое восстанавливается, центр Москвы прекрасно выглядит. А вот наша квартира... В ней ведь жили свои люди, родственники... Теперь нужен большой ремонт - здесь будет кабинет-музей Андрея.

- Вы побывали и в вашем деревенском доме под Рязанью...

- Да, и вот это было очень горько. Дом в Мясном не охранялся, туда залезали шесть раз, вынесли книги, иконы, часть мебели, причем я даже точно знаю, кто. Свои... Андрей очень любил этот дом, мы ведь сами его построили, он у нас горел, строили заново. Андрей многое умел делать своими руками: построил сарай, крыльцо к бане. У него и в "Ностальгии", и в "Жертвоприношении" присутствует этот образ Дома, любимый его образ... Андрей сказал как-то Тонино Гуэрра: "Если у меня отнимут этот дом - у меня отнимут жизнь". Так и случилось. В Мясном предстоит сделать музей-усадьбу. Так что, видите, работы у меня много, я буду все время приезжать теперь сюда. Да и тянуть уже будет - у меня все равно чувство, что здесь я -дома. Все подхожу к окну: те же дома, тот же пейзаж...

"ТО, ЧТО МЫ ПЕРЕЖИЛИ, НЕЛЬЗЯ ПРОСТИТЬ"

- А КОГДА жили за границей - ностальгии не было?

- Я не знаю, что это такое... Хотя мы с Андреем все время искали места, пейзажи, деревья, похожие на наши. Да и до сих пор с мамой и детьми все бежим к телевизору: "Москву показывают!" Когда Андрей лечился в антропософской клинике в Баден-Бадене, за полгода до смерти написал в дневнике: "Здесь замечательно красивое место, напоминающее нашу среднюю полосу России... На полях - стога сена. Полевые цветы точно такие же, как у нас в деревне. Хочется дойти до поворота и увидеть наш дом. Так живо все это представляешь, что становится трудно дышать. Неужели это когда-нибудь было?! Не хочу оглядываться в прошлое, из которого единственное светлое воспоминание и есть наша жизнь в деревне

как совершенно обособленная, отделенная в сознании от всего остального кошмара".

А тоски по Родине, которая наплевала нам в душу, разбила семью, отобрала сына (его не выпускали к нам шесть лет), не было.

Андрей как был русским, так и остался, отъезд на Запад стал для него просто географическим перемещением. Нам предлагали гражданство Италия, Франция, Америка. Сейчас у меня, моей матери и двух детей - европейские паспорта, французское гражданство. Но самое главное - советского гражданства, как оказалось, нас не лишили, хотя сообщали в свое время обратное. И вот теперь мне вернули наши паспорта!

- Чувство обиды к родной стране у вас до сих пор осталось?

- Это даже не обида. То, что с нашей семьей сделали в этой стране, не имеет аналогов ни в какой стране мира. Сначала Андрея буквально принуждали выехать из страны, травили его всеми способами, 17 лет не давали снимать (ему приходилось писать письма на съезды КПСС, и только тогда "дозволяли" работать!). Мы были полунищие, нас унижали, оскорбляли.

Поймите, мы не были эмигрантами, как теперь некоторые называют Андрея. Мы стали изгнанниками. Сначала он уехал снимать "Ностальгию", следом за ним - я. По просьбе Госкино, совершенно неожиданной, спешили закончить картину к Каннскому фестивалю 1983 года. В жюри был Бондарчук, и он боролся против фильма Андрея, как мог, решение жюри перенесли на несколько часов именно из-за "Ностальгии". Но картина все равно получила три приза. А Андрей понял, что вернуться после всего этого домой означало бы в лучшем случае опять сидеть годами без работы, опять - травля.

К тому времени у него были предложения на Западе, заключен контракт на постановку "Бориса Годунова" с Клаудио Аббадо. И он попросил разрешения пожить три года за рубежом, осуществить свои творческие планы, которых у него было много (хотя некоторые и говорили, что он не мог там работать). Он мечтал снять "Гамлета" - в прозе, без стихов. У него был замысел фильма о святом Антонии. Андрей просил разрешения отпустить к нам десятилетнего Андрюшку и мою мать. Но их не выпустили. Дочь мою от первого брака Олю не пустили потому, что ей было уже 19 лет. Нас начали шантажировать ребенком, оставив его на шесть лет в заложниках вместе с моей матерью. И вот тут они, власти, попали в цель... То, что мы пережили, невозможно ни простить, ни забыть. И я до сих пор не понимаю смысла всей этой кампании против нашей семьи. Чего от нас добивались? Чтобы мы вернулись? Андрей стал писать письма Брежневу, Ермашу, Андропову, Черненко, Горбачеву, я писала Раисе Максимовне - она даже не ответила. Были созданы комитеты по воссоединению нашей семьи в нескольких странах, но ответ был один: это внутренние дела Советского Союза.

- Я читала эти письма-просьбы, это сплошное отчаяние, крик души...

- А записи Андрея в дневнике? "Я не могу, не хочу больше жить без Андрюшки"... Я уверена, что главной причиной его болезни стала разлука с сыном. Малыш в "Жертвоприношении" - это, конечно, Андрюшка, и разговоры отца с ним - это диалоги Андрея с сыном, мысленные, он каждый день писал открытки ему и Оле. Его выпустили к нам, уже когда Андрей был смертельно болен и не смог даже встретить в аэропорту его и мою маму. Он записал тогда в дневнике: моя болезнь стала тем "сотрясанием", которое помогло нам увидеть сына. Уже 16-летнего...

"НАШИ ГЛАВНЫЕ ВРАГИ - СРЕДИ КОЛЛЕГ"

НО и после смерти Андрея травля продолжалась. Начну с того, что у меня стали требовать, как они говорили, "тело" Тарковского, чтобы устроить здесь всенародные похороны, меня и по сей день обвиняют в том, что я этого не сделала. Но Андрей в завещании написал, что хотел быть похороненным

на русском кладбище Сен-Женевьев де Буа. Как я могла нарушить его завещание? Даже если бы его и не было, я бы все равно не сделала этого. Найти место на Сен-Женевьев де Буа было очень сложно, мне предлагали другое, наподобие нашего Новодевичьего, но с помощью церкви мне все-таки дали место, временное, где уже была когда-то могила. А через год с помощью мэра мне выделили даже два места, и я перезахоронила Андрея, что было невероятно тяжело - это были вторые похороны... Так меня обвинили и в том, что я положила мужа в чужую могилу...

Вообще это какое-то болезненное свойство, когда чужие, посторонние люди почему-то теперь берутся судить меня, нашу с Андреем жизнь, вмешиваются, лезут в нее, копаются в ней... Маргарита Терехова повсюду пишет ложь, рассказывает о якобы большой любви между нею и Андреем. Но это же безнравственно! Алла Демидова, которая никогда не была с нами даже в дружеских отношениях, пишет, повторяя с чужих слов, сплетни о похоронах Андрея. Но ведь ее там не было! Она ссылается на Виктора Некрасова, которого тоже там не было! Не хочется даже пересказывать все это, столько лжи и сплетен живет вокруг имени Андрея, столько какой-то непонятной злобы, пересудов...

Знаете, как-то Ермаш сказал Андрею: первые и главные твои враги - среди твоих коллег... Они и подогревают ненависть властей.

- Ненависть властей еще можно было как-то понять.

- Да, ведь Андрей был единственным человеком, который позволил себе быть внутренне свободным, кто всегда делал в творчестве только то, что хотел. На него невозможно было влиять, давить, и вот эту внутреннюю свободу власти ему простить не могли. Но самое горькое было, когда Андрей заболел - не было ни одного звонка или письма от друзей! Только Никита Михалков как-то привез и передал ему икру, да Сережа Соловьев прислал письмо и иконку с благословением его бабушки, я положила ее Андрею в гроб... Андрею ведь и в выпуске фильмов помогали не коллеги, а люди, которые были вне "конкурса зависти" и амбиций: Шостакович, Симонов, известные ученые...

БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ ДНЕВНИКИ ТАРКОВСКОГО

- РАЗГОВОР у нас скорее грустный. Идиллии, праздника встречи с Родиной, как видно, у вас не получилось?

- Когда я в июле приехала на XIX кинофестиваль, вообще было чувство, что я чужая, что ничего не изменилось. Зато порадовали высокопоставленные лица - Лужков, Яров, Шабдурасулов, встретившие все мои предложения с таким вниманием. И, конечно же, постановление правительства о возвращении в Россию творческого наследия Тарковского и увековечении его памяти в итоге здесь принято.

- Что за этим принятым документом?

- Задумано столько! Центр искусств имени Тарковского в Москве уже зарегистрирован. В плане - свой кинотеатр. Ежегодный фестиваль искусств имени Тарковского (год в Москве, год в Париже) и премия его имени. Первый планируем на 1997 год. В декабре 1996-го - выставка в Пушкинском музее "Жизнь и творчество Тарковского" - та, что получила первый приз на Биеннале в Париже два года назад. На ней будут представлены фотографии из семейного архива, материалы к съемкам, макеты, эскизы и декорации к "Борису Годунову", к опере Вагнера "Летучий голландец", так и не поставленной. Я буду делать фильм об Андрее. И главное - решен вопрос о приобретении прав на издание в России литературного наследия Тарковского и о покупке его личного архива. Первый шаг - издание дневников к декабрю 96-го, к дате смерти Андрея. Вот когда они будут опубликованы, многое станет на свои места.

"АНДРЕЙ БЫЛ НЕ ПРОСТО МОИМ МУЖЕМ..."

- А КАК вы познакомились?

- Мы познакомились во время работы над "Рублевым", он был женат, я замужем, у обоих были дети. Меня пригласили ассистенткой. Я сидела на студии, читала сценарий. Он вошел - я не знала его в лицо - такой элегантный, красивый, необычно одетый: весь в белом и в таких странных ботинках из веревок, я потом их долго отдавала в починку, все хотела сохранить подольше... Я подняла глаза, а сердце опустилось. И то же самое почувствовал он, как мне потом рассказывал. Затем - семь месяцев его ухаживаний и моего "противостояния". А он говорил: когда я понял, что могу увлечь любую женщину, мне стало скучно, это перестало меня интересовать. Андрей был не просто моим мужем, это была вся моя жизнь. Андрей всегда говорил, что настоящая любовь - от Бога. И нам посчастливилось пережить такую любовь и сохранить ее на всю жизнь. Поскольку я не чувствую, что Андрей ушел, все время ощущаю его присутствие, поддержку, я переживаю эту любовь и по сей час.

- А ссоры у вас были?

- Еще какие! Если нет ссор - это уже не любовь.

- И кто первым "отходил"?

- Чаще - он. Наверное, потому, что был сильнее. А обо мне говорил, что у меня хороший характер и веселый нрав, и это уже немало для жизни.

- Что вы читали с ним перед его смертью?

- Флоренского и Евангелие. "Человек, который увидел ангела" - такую надпись я сделала на памятнике на его могиле.